

жреца махараджи. На судне были погружены коровы, индийская земля и в изобилии рис, топленое коровье молоко — гхи, сушеные фрукты. См.: *Burghart R. Introduction: The diffusion of Hinduism to Great Britain // Burghart R. (Ed.) Hinduism in Great Britain. London, 1987. P.1—2.*

² *Bowen D. The evolution of Gujarati Hindu organizations in Bradford // Ibid. P.25.*

³ *Parekh Bh. Some reflections on the Hindu diaspora // New Community. 1995. 20(4). P.613—614.*

³ *Knott K. Hindu temple rituals in Britain: the reinterpretation of tradition // Burghart R. (Ed.). Hinduism in Great Britain. London, 1987. P.157—179.*

Л. Р. Павлинская

Современные этнические процессы в Республике Бурятия

Теория этногенеза Льва Николаевича Гумилева, так долго не признаваемая отечественной этнологией, вскрыла совершенно новые, онтологические по своему характеру механизмы развития исторического процесса и тем самым дала ключ к пониманию многих явлений современной действительности. Выводя межэтнические взаимодействия за узкие рамки социально-экономических и политических отношений и раскрывая лежащие в их основе этногенетические процессы, теория Гумилева позволяет более приближенно к истине осознавать суть происходящих сегодня исторических и политических событий, а также в какой-то степени прогнозировать их дальнейшее развитие. Понимание того, что каждый современный народ переживает определенную стадию, будь то фаза пассионарного подъема, или надлома, или инерции, помогает фиксировать, анализировать и осмысливать постоянно проявляющиеся в жизни общества этнические процессы разных таксономических уровней.

Настоящее сообщение посвящено анализу одного явления в современной этнической истории бурят, отражающего, как мне представляется, определенную стадию этногенеза этого народа. Речь идет о зарождении нового бурятского субэтнуса хонгодоров. Истоки этого процесса уходят в глубь истории народов Юго-Восточной Сибири в период интенсивных этнообразовательных процессов XVII—начала XVIII в., связанных с пассионарным подъемом русского и маньчжурского этносов.

Этноним *хонгодоры* принадлежит одному из этносов-предков бурят, населявшим до появления в Байкальском регионе русских левобережье р. Ангары, включая нижнее течение ее притоков — Иркуты, Китоя и Белой. Совместно с другими монголоязычными автохтонными этносами — эхиритами, булагатами и хоринцами — хонгодоры участвовали в сложении современного бурятского народа. Однако этому этнообразовательному процессу предшествовало достаточно сильное разрушение этносов-предков как единых этнических целостностей, в котором основную роль сыграл рус-

ский экзогенный фактор. Вовлечение этих народов в состав Российского государства, сопровождавшееся яркой вспышкой сопротивления, вызвало широкомасштабные военные действия, которые привели к сильному межэтническому смешению коренного населения и разрушению этнического единства каждого из коренных народов. Процесс этот сопровождался сильным этнокультурным воздействием на местное население со стороны молодого русского этноса, наделенного в этот период мощным пассионарным импульсом, что привело к этнической мутации на генетическом уровне и дало толчок к формированию нового народа — собственно бурят. Следует оговориться, что в этом процессе хоринцы занимали несколько обособленное положение. В силу исторических причин и определенной изолированности занимаемой ими территории они долгое время сохранялись как этническое целое и лишь несколько позднее, пожалуй, только в начале XIX в., интенсивно включились в процесс формирования единого бурятского народа.

Процесс возникновения и развития бурятского этноса естественным образом сопровождался формированием его внутренней этнической структуры — образованием его субэтнических единиц. Становление этих субэтносов базировалось на территориальном принципе, так как проходило под сильным влиянием русской государственной системы с ее совершенно новой административно-территориальной организацией региона. Главную роль в этом процессе играли русские остроги, являвшиеся в XVII—XVIII вв. важными хозяйственными, административными и культурными центрами, консолидировавшими вокруг себя и русское, и коренное население края. В результате уже к концу XIX в. в Байкальском регионе мы встречаем достаточно устойчивые субэтносы балаганских, верхоленских, баргузинских, селенгинских, кабанских, тункинских, джидинских бурят. Как представляется сегодня, для периода конца XVII—XIX вв. это был вполне естественный путь развития этнической структуры бурят, логически обусловленный конкретной историко-культурной ситуацией и наличием в регионе определенных природно-экологических ниш.

Однако с конца 80-х годов XX в. вдруг, казалось бы, достаточно неожиданно, на исторической арене вновь возникает этноним *хонгодоры*, правда, теперь уже на субэтническом уровне. Проводится съезд хонгодоров, организуются конференции по изучению их истории. Отметим, что свою принадлежность к четырем основным этносам-предкам (булагатам, эхиритам, хоринцам и хонгодорам) буряты продолжали сохранять в сознании вплоть до наших дней, независимо от того, в каком конкретном районе они проживали и в какой субэтнос входили. Таким образом, можно констатировать, что этническое самосознание протобурятских этносов, в данном случае хонгодоров (кстати, проявивших себя в 40-х годах XVII в. наиболее дерзкими противниками русских), постоянно жило в сознании их потомков и проявилось в конце XX в. после почти трехвекового периода развития нового народа с этнонимом *буряты*, хотя и на уровне самосознания субэтноса. Конечно, это лишь первые симптомы зарождающегося этнического процесса, но фиксация его и

анализ развития необычайно важны для нас, если учесть многонациональный характер Российской Федерации. Естественно, перед нами не реставрация (или регенерация) этноса-предка «хонгодоры», тот древний этнос безвозвратно исчез с этнической карты региона. Есть все основания видеть в этих процессах новый виток этногенеза самих бурят, новый этап развития системной целостности этноса, проявляющийся в формировании субэтносов на принципиально национальной основе в отличие от предыдущего периода, обусловленного в определенной степени искусственностью условий, созданных русской государственной системой. Вероятно можно ожидать в дальнейшем расширение и углубление этого процесса, который приведет к возникновению в бурятском народе новых субэтнических единиц с чисто национальными этнонимами *эхирит* и *булагат*, восходящими на уровне этнического самосознания к исчезнувшим с исторической арены коренным этносам-предкам.

Развивающиеся сегодня в Бурятии этнические процессы не только подтверждают положение Л.Н. Гумилева об особенностях различных этапов этногенеза, но и позволяют определить данный этап в этнической истории бурят как фазу пассионарного подъема.

Е. Г. Федорова

Некоторые аспекты этногенеза обских угров в свете данных последних лет

Проблема этногенеза обских угров (хантов и манси) привлекает внимание исследователей уже на протяжении десятилетий. Каждый раз с появлением каких-либо новых данных интерес к ней усиливается, хотя эти данные, как правило, лишь уточняют отдельные аспекты предложенной в свое время известным отечественным угроведом В.Н. Чернецовым гипотезы, согласно которой, в формировании обских угров принимали участие аборигены западносибирской тайги — охотники и рыболовы — и пришельцы из более южных, степных, районов — кочевники-скотоводы.¹ Последних, собственно, В.Н. Чернецов и считал уграми (уграми-савырами). Процесс же сложения обских угров происходил, по мнению этого исследователя, во второй половине 1-го тысячелетия до н.э.—первой половине 1-го тысячелетия н.э. непосредственно в таежной зоне. Но трудно представить, что огромная территория тайги, покрытая множеством рек и болот, из-за чего ее освоение было достаточно сложным, оказалась практически полностью охваченной